

Кузнецова - 2006 - 28 сент -
4 окт. - с. 13

У.Лопаткина и И.Кузнецов

Есть в мире искусства особые, непререкаемого авторитета имена. В балетной педагогике это Борис Акимов, на днях отметивший свое 60-летие. Бала-концертом звезд мирового балета в Большом театре. Звездные балы по тем или иным поводам перестали быть редкостью, теперь уже, как правило, пара этуалей сопровождается в их программах сонм танцевальной бижутерии. Но акимовский вечер обещал россыпь сюрпризов, и прогнозы оправдались вполне.

Начало соответствовало юбилейному формату – кинохроника самодеятельного качества, к счастью, сохранила танец Акимова, чья четвертьвековая артистическая карьера была связана с Большим театром и эпохой Григоровича. На экране метался Злой Гений из “Лебединого озера”, безумствовал злобевший Красс из “Спартак”, лихо отплясывал, заигрывая со своей любушкой, деревенский паренек из заводной “Кадрилли”. А потом – запись драгоценных минут современного урока Акимова, в котором от педагога, по-прежнему легкого и подтянутого, глаз не отвести. От артистов дово-

дилось слышать: “Пойду полечиться к Акимову”. Его класс (а начал преподавать Борис Борисович с легкой руки Юрия Григоровича еще в пору расцвета своей исполнительской карьеры, а еще раньше пробовал силы в училище, где одноклассников ему иногда доверял их классный наставник Марис Лиёпа) исцеляет от депрессии, врачует после травм, возвращает силы, отданные спектаклю. Кажется, что именно Акимов продолжает эпоху отечественной педагогики, уже ставшую мифом: Мессерер, Ермолаев, Варламов. И еще силу пробуждения придает акимовским экзерсисам особая музыкальность, на территории музыки балетный педагог Борис Акимов, он же композитор-любитель, – из своих.

Его класс в Большом театре начинается в 10, и не все успевают, экономя золотой час утреннего сна. А европейские и заокеанские артисты тоскуют, вспоминают, ждут и готовы вовсе отказаться от сна, дабы приехал к ним Акимов. Его репутация педагога близка к звездной, выше каких-либо земных государственных

границ, менталитетов школ, методов и художественных направлений. Он преподавал и вел мастер-классы в ведущих театрах мира: Парижской Опере и Мариинке, Лондоне и Копенгагене, Брюсселе и Гамбурге, Вене и Токио, Милане и Мюнхене. Остановим перечисление, иначе придется назвать едва ли не все значительные труппы мира.

Верность учителю – любопытная тема. Этой верности не присягают, но культ педагога в балете незглаголем. Потому поздравить Учителя приезжали представители сильнейших балетных держав. В том не было формального акта вежливости. Вечер получился уникальным, с драгоценностями, коих оказалось немало.

Четверка танцовщиков Большого – Ян Юдовский, Александр Войтюк, Вячеслав Лопатин и Алексей Матрахов – четко и полетно исполнили прыжковый фрагмент акимовского урока. Ан-на Антоничева и Андрей Уваров (его зал приветствовал особенно вдохновенно – артист впервые появился на сцене после продолжительной травмы) станцевали адажио из “Раймон-

А.Окс и Т.Эдур

ды”. Художественно, с тонким пониманием стиля. Чего, как ни жаль, не скажешь о Виктории Терешкиной: обычно безупречная в балетном репертуаре, она, крепко стоя на ногах, с незблемой вертикалью, уместной в па де де Обера – Гзовского, исполнила свою партию в классическом па де де Баланчина, позабыв об исчезающей красоте арабесков и незафиксированности легких поз. Ее юный партнер Антон Корсаков был точнее, но этот номер ему вряд ли стоит включать в постоянный репертуар.

И кто из преданных и верных учеников мог отказать Акимову? А просьба его (щедрый подарок балетоманам!) заключалась в том, чтобы по возможности привезти в Москву то, чего она не видела. Впервые артисты из Национального балета Нидерландов представили москвичам “Соло” Баха – Ханса ван Манена. По замыслу хореографа, трое виртуозных танцовщиков (Фелипе Диас, Жуанхо Аркес и Стефон Кларк) нервно вибрировали потоком движений, поставленных на каждую нотку баховской

партитуры. Такой стремительный парадоксальный Бах был столь непривычен, столь и любопытен.

Неизвестным опусом стало и па де де на музыку Дворжака, сочиненное Харальдом Ландером. Манерно и артистично подали его датчане Кэролайн Кавалло и Матс Бландструп. Повесили публику “Буржуа” Алена Боттани из Баварского балета (номер на музыку Бреля поставил Кауленберг). Загнанного делами менеджера сменила прима Королевского балета Великобритании Тамара Рохо. От мятежной страсти ее Айседоры (хореография Фредерика Аштона) дрожал воздух. Во фразменте балета “Тамаша” в хореографии русского японца Морихиро Иваты самураи неистовствовали так, словно через минуту совершат хакари.

Завершал первое отделение “Лебедь” – коронный номер Ульяны Лопаткиной... Как описать этот виденный множество раз танец? Лебеди были разные, умирали тихо и бросая вызов, мелодраматически и трагически. Но так, как танцует Ульяна, не танцевал никто – она перемещается в над-трагическое пространство, переговаривается с небесами, есть и томление, и тоска – но только не из ряда человеческих чувств... Умом не понять, словами не объяснить.

Юная Сара Ламб из Королевского балета Великобритании и Ян Юдовский в па де де из “Тщетной предосторожности” Аштона были шаловливы, грациозны и очень внимательны друг к другу, будто ждали этой встречи вечно. Совсем иную историю на двоих столь же блестяще разыграли Агнес Окс и Томас Эдур из Английского национального балета в тоже известном дуэте Дерек Дина на музыку Шуберта – с давно забытым умением откликаться не на движение партнера, а даже на его вздох и взгляд. На их фоне слегка поблекли надежда Парижской Оперы Элеонора Аббьянито и Бенжамен Пеш. Они разыгрывали мелодраму, и их безумие в дуэте из “Дамы с камелиями” Джона Ноймайера было сентиментальным, полукарнавальным, над-рыльным...

Еще одну новинку привезли облаканные российской столицей Алина Кожокару и Йохан Кобборг – знаменитые солисты Королевского балета Великобритании. Дуэт Кима Бранст-

рупа на музыку Глюка – ломаный, потесковый. Станные молодые люди выясняют отношения, и хочется следить за плетением “драматических” кружев – эта пара завораживает умом.

Балетная интеллектуалка Ульяна Лопаткина, единственная удостоенная чести дважды выйти на сцену, еще раз доказала, что ей доступна не только академическая чистота классики – поле, на котором ей нет равных, но и современная пластика. В мини-балете Ханса ван Манена “Три пносьенны” Лопаткина и Илья Кузнецов странно и нежно примеряли неоклассический текст, который, кабы не острые точки и вдруг ломающиеся линии из мира “ускользающей красоты”, был бы похож на безупречно изведенный танцовщицей белый балет. Мария Александрова и Денис Матвиенко в финальном па де де вечера (привычного “Дон Кихота” заменил “Корсар”) уверенно, с оглядкой на зрителей, с предвкушением успеха, не блестяще отработали финал. Хочется верить, что причина в том, что партнер сбежал заменил неприехавшего Хосе Каренью.

Многие в зале, думаю, были готовы на радикальное решение: пропустить этот трехчасовой вечер. Акимов оказался крепким организатором и мудрым дипломатом: не было дежурных речей и разудалых здравиц, вручений подарков и обязательного набора парадных генералов от балета, амбициозных упоминаний о недавнем руководящем прошлом (эпизод, когда юбиляр возглавлял Московскую академию хореографии и балетную труппу Большого театра, драматургией вечера был купирован). А была компания артистов из разных стран – тех, кто занимался у Бориса Акимова. Любой из исполненных номеров мог бы украсить самый престижный и высокий балетный вечер. Под дождем блестящей мишуры взволнованный Борис Акимов раздавал “спасибо”, и мы, как люди воспитанные, просто обязаны поблагодарить его за редкое удовольствие – такой художественно цельный и разнообразный оказалась подготовленная программа.

Елена ФЕДОРЕНКО
Фото Екатерины БЕЛЯЕВОЙ
(ГАБТ)